

ГЛАВА I

КАКОВА СВОБОДА НА ВКУС?

— Сегодня тот самый день, когда мы освободимся! Сегодня мы сбросим оковы, удерживавшие нас полвека! Сегодня прольется кровь врага! Мы освободим наш народ! Воины Бибемы! Вы со мной?!

— Да!

— Воины Бибемы! Вы со своим народом?!

— Да!

— Воины Бибемы! Вы со своей землей?!

— Да!

Генерал поднимает кулак, единолично заняв импровизированную сцену. За его спиной висит облитый красной краской, будто кровью, плакат с портретом темнокожего мужчины и текстом «Верь в президента! Верь в страну!».

— Воины Бибемы! Духи предков с нами!

Сотни модифицированных автоматов Калашникова вздымаются к небу.

— Мусамба! Где наш львенок? Где львенок земли песков и крови?

Солдаты расступаются. Рослый парень с жидкой бородкой выходит из толпы вперед.

— Посмотрите на него. Посмотрите! Воин Мусамба — пример для всех нас! Он — настоящее! Он — будущее! Но как

я это понял? По его мышцам? Он мальчик! Он еще не способен проламывать стены дворцов узурпаторов! Быть может, он прекрасный стрелок? Нет. Он равен вам. Он видит цель и стреляет в нее, уповая на бога смерти и войны. Нет! Смотрите ему в лицо!

Выступающий тычет указательным пальцем в лицо Бенуа, испещренное множеством едва заметных шрамов.

— Что вы видите? Быть может, страх?!

— Нет!

— Гордыню?!

— Нет!

— Я знаю, вы скажете: отвагу. Но нет! Лицо этого мальчика холодно! И этот холод — самое страшное, что может увидеть враг перед смертью. В этом холоде глаз то, что должен понять любой, кто поднимет против нас оружие. Мы пойдем до конца. В нас нет страха. В нас нет гордыни. Нет! Ничто не отвлечет нас от цели. А наша цель... Мусамба, какова наша цель?!

— Свобода!

— Какова наша цель?!

— Свобода! — орут все.

— Какова наша цель?!

* * *

Слышен стук в дверь, но он никак не реагирует.

— Кузнечик, это я. Открой.

Снова стук.

— Кузнечик, это мама. Открой. Он уже ушел.

Мальчик, вытирая слезы, хватает с дощатого пола нож и вгоняет острие обратно в дерево. Выкорчевывает щепку, затем бьет еще раз.

— Любимый. Пожалуйста.

Мальчик нехотя встает и подходит к двери, открывает. Поднимает заплаканные глаза. Мамина скула пылает красным, а шея расцарапана до крови. Мальчик видел, как большая грязная рука оставила эти царапины.

— Он ушел, — повторяет она. — Что делаешь?

— Сижу.

Мальчик отступает, рывком вытаскивает нож из пола и садится на скрипнувшую кушетку. Смотрит вниз.

Мама садится рядышком на пол и кладет голову на его колени.

— Злишься?

Он не отвечает.

— Знаю, что злишься. Это ничего.

— Прости. Я должен был молчать. Тогда бы он не...

— Ой, кузнечик. Мой маленький воин...

— Я могу тебя защитить, — шепчет он, сжимая нож. —

Могу.

— Я знаю. Конечно, можешь, и придет время, когда ты меня защитишь. Но не сейчас, любимый.

— Если он еще раз... — Его слеза капает на мамину щеку, прямо туда, где проступает синяк.

— Я знаю. Ничего. — Она встает перед ним на колени. Касается ладонями лица. — Самый красивый, самый важный. Весь в папу. — Он поджимает дрожащие губы. — Если ты думаешь, что так будет всегда, то ты ошибаешься. Не будет. Посмотри в окошко.

Они подходят к треугольному окну. Мальчик часто сбегает сюда, под крышу, в мансарду. И когда хочет помечтать, и когда очень-очень злится.

— Что ты видишь?

— Ничего.

— Нет. Ты видишь крыши домов, видишь птичек, видишь небо. А еще?

— Солнце.

— Вот. Скоро сядет солнце и появится луна. А затем — опять солнце и опять луна. И так будет много раз... Но однажды при лунном свете мы с тобой станем свободны. Как эти птички. Мы полетим куда захотим. Ты и я. Да?

— Да.

— Да, — повторяет за ним мама.

— А что будет с el monstroo?

— Как всякое зло, он однажды просто растворится. И в тот день мы с тобой улетим, Оскар.

* * *

— Бей! — командует тренер, и Джавайа бьет. — Бей! — Он бьет еще и еще. — Бей! Бей! Бей!

Он бьет, бьет и бьет. Цепь, с которой свисает груша, дребезжит после каждого удара, а сама груша проминается, будто бьет по ней не ребенок, а мужчина.

— Стоп. Так дело не пойдет, мальчик! Что с тобой?

— Все хорошо, — отвечает Джавайа.

— Я вижу, что что-то не так. — Тренер отпускает грушу. — С самого утра твои мысли где-то витают. Ты не со мной. Посмотри за спину.

Джавайа оборачивается и видит открытые гаражные ворота.

— Какой у нас договор?

— Когда захожу в зал, есть только я и соперник.

— Ты и соперник. Вот соперник. — Тренер указывает на старую, пережившую сотни тысяч ударов, сотни раз зашитую, заклеенную и залатанную грушу. — Мне от тебя много не нужно. Два часа утром и два — вечером. Но сегодня ты не тут, а значит, первые два часа потеряны. Где ты?

— Я тут, тренер.

— Нет... Садись. — Тренер устало падает на ступеньку, идущую от боксерского ринга. Снимает пады и бросает под ноги. Джавайя садится рядом. — И?

— Отец сказал, что, возможно, нам придется уехать... — не сразу отвечает он. Снимает боксерские перчатки и смотрит на обработанные ранки на костяшках. Поворачивает руку — ладони в мозолях. — Его скоро уволят. И он окажется в списках.

— В списках, значит... — выдыхает тренер.

— Мама говорит, что лучше уехать. Что рано или поздно ко всем, кто в списках, приходят.

— К сожалению, это правда... Дай-ка подумаю. У отца есть связи? На той стороне. За забором.

— Кое-кто есть. Он ночью часто не спит. Все время за компьютером.

— Хорошо. Если не получится, пусть свяжется со мной. У меня есть знакомые из спорткомитета. В следующем месяце будут соревнования в Китае. Отправим тебя.

— Но мне еще нет пятнадцати.

— Это уже моя проблема. Родители будут тебя сопровождать. — Тренер встает. Поднимает с пола бутылку с водой. Отвинчивает крышку, пьет. — Ты мой лучший ученик. Чем бы все ни закончилось, обещаю, что не бросишь тренировок.

— Обещаю, — отвечает Джавайя, вскочив и поклонившись тренеру.

— Будьте прокляты расстрельные списки... Однажды мы будем свободны, молодой дракон. Однажды партия стогрит. — Тренер указывает на стену, разукрашенную спортивными граффити.

Над ними возвышается легендарный чемпион — Черный дракон, гордость нации, — ныне осужденный пожизненно за одно короткое предложение: «Там, за стенами, другой, открытый мир!» Больше нет Черного дракона.

— Давай-ка, мальчик, еще один раунд. За свободу.

— За свободу! — Джавайа подходит к груше и лупит по ней руками и ногами, локтями и коленями. Еще и еще, еще и еще, проговаривая в мыслях всякий раз: «За свободу!» Судя по выражению лица тренера, теперь все как надо.

— Стой... — вдруг говорит он.

За воротами, через дорогу, стоят несколько полицейских. Останавливают прохожего — тот показывает в сторону спортзала.

— Иди-ка собирай вещи и выходи через заднюю дверь. На сегодня все.

— Тренер...

— Уходи, — цедит тот и, расплывшись в улыбке, направляется к полицейским, кланяясь на ходу.

Джавайа хватает вещи и спешит в раздевалку, но не успевает он снять перчатки, как слышит выстрелы.

* * *

Недовольный гул, крики и свист заполняют оба сектора, как только останавливается запись. Заключение забывают о Терках.

— Собрались, собрались! — командует Бенуа, окружая себя двумя десятками шахтеров, находящихся на площадке.

— Чушь собачья!

— Монтаж!

— Мы не верим! — кричат из разных концов первого сектора. Колонию охватило единение, которому позавидовал бы каждый клуб по отдельности.

Кайа в сопровождении девушек подходит к забору. Луна задумчиво смотрит на нее, будто именно старшая подруга должна определить, правда это или нет, жив Стоун или

мертв, но та просто берет Луну за руку. Берет за руку — чтобы успокоить? Берет за руку — чтобы Луна могла принять горькую правду?

Все вновь поднимают глаза на смотровую. Экран вдруг становится прозрачным, за ним стоит начальник колонии.

Всем своим видом Браун выражает сожаление и даже некоторую растерянность. Будто он ни при чем. Будто он не ожидал, что Стоун просто возьмет и умрет. Что люди вообще берут и вдруг умирают в нечеловеческих условиях карцера.

* * *

Начальник колонии смотрит на дисплей, на котором отображается дорожка с проигранной аудиозаписью.

— Это и есть доказательства? — кричит снизу так называемый лидер шахтеров.

— Начнем с того, что я не должен никому из вас ничего доказывать, триста второй. Но... за то время, что триста третий находился в колонии, между нами зародилось что-то вроде дружбы... Хотя дружба — слишком громко сказано. Пожалуй, взаимная симпатия. Или хотя бы уважение — не показное, не основанное на страхе, а настоящее. Он понял смысл того, что вас окружает, а я позволил ему добавить немного красок в вашу жизнь, и, судя по этой реакции, он справился с задачей. — Отведя микрофон, он спрашивает: — Риггс, система обновилась?

— Да, сэр. Система «Наблюдатель» успешно интегрирована.

— Ну, давай проверим, на что она способна. Система, каков уровень недовольства?

— Провожу анализ, — звучит электронный голос.

На одном из экранов загорается текст: «Анализ».

— Ха. Оно разговаривает, — усмехается Браун, но, опять услышав нарастающее недовольство внизу, хмурится и объявляет: — Мы найдем решение, господа. Проявите немного терпения.

«Анализ завершен. Уровень недовольства — 21%».

— Вот как. — Он поднимает бровь и кивает. — Это много или мало?

— Необходимое среднее значение — тринадцать процентов, — отвечает Риггс. — С обновлением руководство может в реальном времени отслеживать все данные.

— Включая нашу игрушку?

— Да, сэр. И еще, по поводу нее. Они ждут больший эмоциональный всплеск.

— Чем то, что я дал? Ну, это я им обеспечу...

Заключенные, перешептываясь, по-прежнему смотрят вверх. Браун подносит микрофон ко рту:

— Как вы все слышали, триста третий принял свою судьбу. Более того — признал, что сам виновен в произошедшем. Он нарушил правила и поплатился за это. Предварительный медицинский анализ показал, что у него отказали почки.

— Вранье!

— Мы требуем доказательства!

— Как охрабрили... — изумленно отмечает Браун и смотрит на экран, где теперь красуется надпись: «24%».

— Тело! — кричит триста первый. Мерзкий маленький латинос.

— Тело! Тело! — Заключенные, в основном безбилетники и девушки, подхватывают крик. — Тело! Тело! Тело!

— Что ж. Ваше желание будет исполнено. Три человека. Два из первого сектора и один из второго. Само собой, лучше те, кто был близко с ним знаком. Те, кому вы доверяете. У вас один час, чтобы сделать выбор. — Браун сам нажимает на дисплей, и стекло вновь прячет его ото всех. — Ну, давайте готовить тело.

Шахтеры молча переглядываются.

— Ублюдки! — бросает Джавайя и бьет подошвой по забору, гудящему громче обычного. Луна слегка вздрагивает.

— Еще ничего не ясно, — говорит Кайя, сжимая ее руку.

— Ничего. Это «Мункейдж», — шепчет Луна будто сама себе. — Все мы умрем рано или поздно.

— Ну, что молчишь, Бен? — негодует Оскар. — Что будем делать?

— Я думаю...

— О чем тут думать? Кто пойдет? — Он оглядывается на два десятка заключенных. — Кто? Могу пойти я, но что я в этом понимаю? Нужен кто-то, кто шарит!

— Я, — говорит Марек. — Думаю, я смогу.

— Окей. Первый есть. — Оскар хлопает в ладоши, как капитан футбольной команды, пытающийся взбодрить остальных после пропущенного гола. — Соберитесь, включайте бошки! Кто второй?

— Видимо, придется мне, — разводит руками Бенуа. — Я видел много тел. Думаю, что смогу определить... — Не в силах закончить предложение, он замолкает.

— А если он? — Джейк указывает на пятый этаж. На камеру Павла.

— Этот? — Оскар пренебрежительно тычет пальцем вверх. — Нам нужен кто-то из наших. При чем тут он?

— Потому что шарю, — говорит первый заключенный из-за их спин. Безбилетники расходятся. — Как ты сказал. — И, посмотрев на Бенуа, добавляет: — И потому что тоже видел много тел.

Оскар только успеваает открыть рот, как Бенуа кивает:

— Хорошо. Ты и Марек. Джай. — Он подзывает Джавайю и, указав на скопление девушек за забором, спрашивает: — Разберешься?

— Да...

Джавайа подходит к забору и наблюдает, как Кайа что-то объясняет Луне. Та мотает головой, высвобождает руку и, стрельнув огненным взглядом прямо в центрowego, говорит:

— Не заставляй меня. Не могу. Пусть идет кто-нибудь другой.

— Кто, если не ты? — спрашивает подруга.

— Кто угодно... Не заставляй меня видеть его таким... Прошу. Не хочу, чтобы это был последний раз... Прости. Я не могу. — Луна поспешно уходит к лестнице.

Кайа смотрит на Джавайу, подзывает Рене, о чем-то переговаривается с ней и тоже уходит.

— Кто от вас? — спрашивает Рене, подойдя к забору.

— Марек. Он медбрат. И Павел. У вас?

— Видимо, я.

— Может, сама Кайа?

— Думаю, что тогда не пойдет Павел. Да и опасно, — отвечает Рене.

Джай задумчиво смотрит поочередно на Кайу и на Павла, затем кивает.

* * *

В сопровождении охраны Павел, Марек и Рене проходят по знакомому коридору и спускаются по лестнице. Там их встречают еще двое охранников, и уже с усиленным конвоем они доходят до металлической двустворчатой двери, с каждым шагом все сильнее ощущая жуткий холодок.

Они останавливаются и через стекла в створках видят помещение, залитое ярким белым светом.

— Согласись, похоже на чистилище, — слышится голос из начала коридора. — Весь этот яркий свет. Так и хочется

в нем раствориться. Сделать последний шаг и оказаться в мире, где больше нет зла. — Браун приближается к ним. — Но этот свет обманчив. Ты ведь помнишь это место?

— Морг, — отвечает Павел, продолжая смотреть сквозь стекло.

— Мир мертвых.

Браун обходит их, прикладывает карточку к сканеру, и двери разъезжаются. Навстречу шквалом бьет настоящий холод. Холод смерти.

— У вас три минуты. — Начальник колонии жестом приглашает их внутрь.

— Стоун... — роняет Марек и подбегает к койке на колесиках, которая стоит в самом центре комнаты. На ней — исхудавшее, бледное и абсолютно точно мертвое тело, частично накрытое тонкой простыней.

Марек сразу прикладывает ухо к груди. Павел просто смотрит на Стоуна. Рене, оглядываясь, замечает холодильники, вмонтированные в стены. Точно белые капсулы, ждущие возможности переправить очередную душу в бесконечную тьму безжизненного космоса.

— Можно? — спрашивает Павел растерянного Марека, и тот с видимым усилием отходит.

Павел тоже прикладывает ухо к груди Стоуна. Затем подносит палец к его носу, пытается нащупать пульс и на шее, и на запястье, поднимает веки. Зрачки не реагируют. Павел смотрит на Марека почти виновато. Все понятно. Тот хватается руками за волосы и отворачивается. Пинает стойку с медицинскими приборами.

— Дерьмо... — бросает Рене, тоже обойдя койку. Она понимает, что значит этот взгляд.

— Закончили? — спрашивает Браун, настукивая что-то по металлу двери костяшкой пальца в черной перчатке.

Сделав шаг от койки, Павел разворачивается в его сторону и подается вперед. Все пятеро охранников активируют

шокеры. Первый заключенный останавливается в шаге от начальника и прожигает его глазами.

— Мертв? — звучит холодный вопрос Брауна.

— Мертв, — звучит ответ Самсурова.

Развернувшись, начальник уходит и уже на лестнице бросает:

— Передайте мои соболезнования. Этого в плане не было.

* * *

— Ну что? — набрасывается на них Оскар сразу, как закрываются ворота. Павел, обойдя всех, идет к лестнице.

Перед ним появляется Бенуа и спрашивает:

— Что ты видел?

— Спроси у вашего, — спокойно говорит русский.

— Мертв, — отвечает все еще не пришедший в себя Марек.

— А ты что видел?! — не выдерживает Бенуа.

Павел несколько секунд молчит. За спиной Бенуа собрались посредники, продавцы и даже гладиаторы. Все ждут хоть чего-то.

Он поднимает глаза и замечает подлетевший дрон. А если дрон, значит...

Экран крупным планом показывает Павла. Он задумчиво смотрит на свое лицо, а затем кричит:

— Мертв! Триста третьего, Дэниела Стоуна, больше нет! — В ту же секунду трансляция обрывается. По толпе заключенных бежит нервный шепот. Павел добавляет, теперь уже Бенуа: — Держитесь вместе.

Он подходит к лестнице, и охранник, который ее сторожит, несколько неуклюже, почти испуганно отходит в сторону.

— Дерьмо, дерьмо, дерьмо! Что будем делать, Бен? — спрашивает Оскар.

Бенуа смотрит на два десятка одноклубников и множество безбилетников, поверивших в них, в Стоуна — в символ того, что однажды все изменится. Марек успокаивает Джейка, еле сдерживающего слезы. Джавайя, проводив взглядом «круг Кайи», поворачивается к Бенуа и мрачно качает головой.

— Что будем делать? — еще раз спрашивает Оскар.

— То же, что и всегда. Держимся друг за друга. Сейчас время Терок. Все на Терки, — завершает Бенуа.

* * *

Стук в дверь будит ее. Вскочив с кушетки, она роняет на пол книгу. Судорожно оглядывается.

— Мисс Лин, это старший помощник Роуди, — слышится приглушенно с той стороны.

— Сейчас, — отвечает она и, подлетев к шкафу, бьет по нему ребром ладони.

Дверь-купе открывается. Она хватается первые попавшиеся джинсы и блузку. Натягивает одежду, спешит к двери. Задевает стопой ножку столика. Жмурится, прикусывает губу, стонет и прыгает на одной ноге, держась руками за пальцы второй.

— Мисс Лин, у вас все хорошо?

Закатив глаза, она выдыхает через нос и отвечает:

— Да. Иду.

Затем подхватывает с пола книгу, подходит к двери и прикладывает руку к сканеру. Тот загорается зеленым, и створка отъезжает в сторону. За ней ждет темнокожий мужчина лет сорока, с идеальной короткой стрижкой.

— Простите, я... — она оборачивается, — читала.

— «Za... myatin. We». — Старший помощник вглядывается в корешок книги. — Что-то знакомое. Фантастика?

— Скорее классика.

— Понятно. Капитан приглашает вас на мостик. Если пожелаете, само собой.

— Я приду через пару минут.

Приведя себя в порядок, мисс Лин направляется через короткий коридор к лифту. Войдя, выбирает третий этаж. Кнопка загорается красным.

— А, — вспоминает она, прикладывает висящий на шее бейджик и повторяет запрос.

Лифт поднимается, после чего она вновь оказывается в коридоре, по полу и потолку которого тянется строгая белая подсветка.

— Мисс Лин, — улыбается ей женщина в белом халате, выйдя из кабинета.

— Здравсьте, док.

— Мы скоро прибудем к месту назначения. Вы готовы?

— Ну... — Она пожимает плечами. — Наверное.

— Не смею больше задерживать.

Мисс Лин идет в самый конец коридора, ко входу на капитанский мостик. Последняя двустворчатая дверь разъезжается, и она оказывается в просторном помещении с десятком сотрудников высшего звена. В отличие от фильмов, в которых в ответственные моменты сотрудники копошатся, судорожно жмут на кнопки и сенсоры, в главном помещении космического корабля спокойно. Каждый спокойно занят своим делом, несмотря на то что они приближаются к объекту.

— Капитан, — произносит она, подходя к пульту управления, и, театрально поклонившись, спрашивает: — Вы хотели меня видеть?

— Просто хотел показать тебе кое-что, — улыбается мужчина. Как всегда, в идеально сидящем легком кителе. И хоть он не выносит всех этих эмблем, нашивок, они его красят. Как и строгая короткая прическа, будто он генерал военно-космического флота.

— Я уже видела Луну. Каждую ночь и с самого детства, папа.

— Само собой. Но есть то, что с Земли не разглядишь, дорогая. Старридж, выведите изображение на основной экран.

Через мгновение перед мисс Лин открывается вид на спутник Земли в потрясающем разрешении: лунные кратеры, горы. Среди всех объектов один выделяется искусственной белизной и прямоугольной формой. Будто стадион, покрытие которого переливается под лучами то ли звезд, то ли Солнца. Мисс Лин даже ослепляет солнечным зайчиком, прыгнувшим прямо на дисплей.

— Это проект «Мунлайт».

* * *

— Мистер Стоун... мистер Стоун!

Кто-то тычет ему в лицо ослепляющим фонариком.

— Насколько все плохо, док? — Голос Брауна.

— Реакция на свет есть, но что-то не так. Тело не подает признаков...

— Не говорите мне, что вы реально его убили.

— Я? — возмущается доктор Мейхем. — Я предупреждал вас: его тело не в том состоянии, чтобы ставить на нем эксперименты.

— От меня требуют, чтобы я подошел к этой задаче креативно. Им нужен эмоциональный всплеск, и я его дал. Будь моя воля, триста третий уже бороздил бы космос.

— Не сомневаюсь. Персонал, готовьте дефибрилляторы. На крайний случай.

— Стоун! Проснись, поганец! Стоун!

— Вы мне не помогаете, мистер Браун.

— Берите свой гребаный супершприц.

— Это последний. В ближайший год можно не надеяться на получение еще одного. Тем более что вероятность успеха не больше шестидесяти процентов. Я не думаю, что целесообразно тратить его на триста третьего заключенного.

— А я думаю, что вам надо заткнуться и делать то, что я говорю!

— Насколько я помню, мы можем его использовать только на Самсурове.

— С недавнего времени триста третий приобрел не меньшую важность в глазах руководства. И поэтому он пока никак не может умереть. Давайте, возвращайте его с того света!

— Миллионы долларов...

— Мы потеряем гораздо больше, если он умрет! Действуйте!

— Я требую, чтобы мое несогласие было указано в отчете. Чтобы все было под запись. Мистер Браун?

— Как скажете, док.

— Отойдите. Так... Следить за показателями на экранах один и восемь. Дефибрилляторы наготове? Используем последний из имеющихся препарат «Адреналин Z» на объекте номер триста три. Заключенном Дэниеле Стоуне. Три... Два... Один... Ввожу препарат...

Яркий свет. Люди в халатах. Мейхем. Браун. Цифры. Звуки. Холод. Жар. Дрожь. Жжение в груди.

Стоун оглядывается по сторонам.

— Тихо, тихо... — шепчет доктор, удерживая его плечо.

Стоун опускает глаза и видит торчащий из груди толстенный металлический шприц, дисплей на котором отображает быстро бегущие цифры.

— Девяносто... Сто. Вынимаю.

Мейхем выдергивает иглу. Стоуна пронзает боль, будто кто-то выдирает из него когтями жизнь.

— Живой, мать твою... — расплывается в изумленной улыбке Браун. — Живой! Мы отправили тебя на тот свет и вернули обратно, Стоун! В связи с чем у меня к тебе один вопрос: какова свобода на вкус?

* * *

Луна замирает сразу, как оказывается в камере. Она не знает, как долго уже смотрит то в стену, то в пол. Иногда — в потолок, будто ожидая, что оттуда, свыше, сейчас появится ответ, объясняющий смысл всего. Но она же знала, с самого начала знала, что никакого смысла нет. Нет глобального плана Создателя, о котором говорил покойный центровой Юссуф. Нет никакого очищения от грехов, все-ленского экзамена для особенных представителей Земли. И никакие они не особенные. Это просто рандом. Холодный, мертвый, как космос, механизм, определяющий, кто умрет сегодня, а кто — завтра. Но рано или поздно все они умрут. Павел был прав. Всегда. А Кайа в этом деле скорее просто транслятор надежды. Она нужна для баланса. Павел — про смерть. Кайа — про жизнь. Павел — про смерть старых. Кайа — про жизнь новых. Павел — про реальность. Кайа... про сказку. Таковую, чтобы было легче. Ведь, в конце концов, важно не то, что тебя окружает, а то, что ты чувствуешь. И до сегодняшнего дня и с первым, и со вторым у нее все было нормально. Понятно. Разделено. Павел и Кайа. Первый сектор и второй. Но теперь все усложнилось. Запуталось. Сломалось. Сгорело.

Прежде все как будто подчинялось системе, было частью сценария: смерть и надежда, смерть и надежда, смерть... Смерть Стоуна. Как бы теперь это уравнивать? Что поставить на другую чашу весов, чтобы было не так больно? Чтобы вновь все подчинить системе.

Нет. Кажется, уже нет. Стоун назвал бы это критической ошибкой. Его смерть — критическая ошибка. Ведь до этого момента казалось, что он неубиваем. Что он и есть тот самый вирус, о котором он говорил. Нечто, что изменит все. Так и было. До этого дня.

— Давай еще раз... — тихо говорит Кайа, стоя на месте. — Что ты видела?

— Мы спустились куда-то по лестнице. Вышли в коридор, где сразу стало прохладней. В конце была дверь, раздвижная. Первый сказал, что это морг.

Рене не называет Павла по имени. Для нее он Первый. Когда Луна однажды тоже назвала его Первым, Кайа попросила ее не делать так. Попросила называть по имени, ведь без имени Павел Самсуров будто лишался в глазах заключенных еще одной дольки человечности и, что не менее важно, сама Луна лишалась чего-то. Превращалась в робота, в солдата. В отличие от Рене, она не помнит жизни на Земле. У нее нет того, что делает ее человеком, и поэтому надо держаться за каждую мелочь. Чувствовать себя живой. Сердце разрывается. Значит, пока еще человек.

— Браун впустил нас на пару минут. Я, Первый и Марек из камеры Стоуна. Внутри было как в морозилке. По сторонам эти контейнеры для... для тел. Холодильники для нас. И сам Стоун. В центре на тележке-каталке. Будто высохший, бледный, холодный. Первый и Марек проверили пульс, дыхание. Подняли веки. Ничего.

— И что ты думаешь?

— Что?

— Ну...

— Ты спрашиваешь, мертв он или нет? Я видела его тело, Кайа. Что тут думать? Стоуна больше нет. Остальные это подтвердили.

— Черт... А Браун? Каким он был?

— Не знаю... Кажется, был раздосадован. Кажется, он сам не ожидал, что это случится.

— Ублюдок. Хорошо. Пока держи в тайне.

— Какой смысл? Все уже знают...

— Я о ней. Не говори...

— Я в любом случае прочтала бы это в ваших глазах, — говорит Луна, появившись у решетки. — Ты знаешь, чего я не люблю больше всего. Мне не нужна чья-либо жалость. Триста третий умер. Все мы умрем рано или поздно. Так что движемся дальше — спасаем всех, кого можем, пока сами не умрем. Как всегда.

Она возвращается в камеру, за ней заходит и Кайа. Луна разглядывает усеянную хлебными шариками часть стены над своей койкой. Подходит ближе и считает их. Проводит пальцами по каждому шарiku, пока не находит нужный. Достает из-под матраса заточку.

— Что ты делаешь? — взволнованно спрашивает Кайа.

Луна бежит пальцами по шарикам в обратную сторону. Останавливается на одном.

— Неделя, когда триста третий появился. — Она прикладывает заточку к шарiku и бьет ладонью по тупому концу. Морщится от боли. Рана, нанесенная Элли, открылась, и из нее течет кровь.

Шарик на месте. Она предпринимает еще одну попытку.

— Перестань.

— Просто хочу запомнить.

— Их так не сорвать.

— Откуда ты знаешь? — кидает Луна за спину и вновь замахивается, но Кайа успевает перехватить ее руку. Луна пытается вырваться, но подруга не отпускает. Прижимает ее к себе и отвечает:

— Знаю, потому что пробовала много раз. До твоего появления. Теряя одного за другим дорогих мне людей. — Она

прикладывает руку Луны к шарик, окрашивая его в кровь. — Так запомнишь?

Луна не сразу, но кивает.

— Хорошо, — шепчет Кайа, вытирая с ее лица слезы. — Хорошо... Мне очень жаль.

— Ты говорила: открой свое сердце. Ему... — Луна растягивает губы в улыбке, которая мгновенно пропадает. — Я сделала то, что ты хотела. И вот результат... Он мог просто умереть. Как любой другой. И мне было бы плевать.

— Мне очень жаль, — повторяет Кайа.

* * *

Джейк не спешит садиться за стол шахтеров. Держа в руках поднос, он окидывает взглядом столовую. Определенно что-то не так. Воздух в пространстве между клубами и безбилетниками будто заряжен. Практически нет смеха, нет привычных взаимных оскорблений, и даже гладиаторы, как всегда удерживающие центр, молчат. Но это не грусть. И не дань уважения погибшему. Что-то другое.

Исчезли броские шестерки посредников с передачками, по инерции продолжающие то, что не успели закончить на Терках. Все вдруг замерло в ожидании чего-то.

— Садись, чего стоишь, — приглашает его Джавайа.

Джейк садится, смотрит на всех за столом, будто ожидая каких-то слов, какого-то отрицания, гнева, криков, да хоть слез. Неужели его одного смерть Стоуна разбила? Почему остальные так сдержанны? Или он просто тряпка. Слизняк. Как всегда. Стоун исчез, а он, Джейк, вернулся к привычной роли — нижнего звена пищевой цепи. Везде, где бы он ни оказался. Двор, школа, колледж — и теперь колония.

— Дерьмо... — Оскар трет лицо, а затем разводит руками и, будто цепляясь за бредовую надежду, спрашивает: — Марек, ну, может быть, это вообще был не он?

— Ты о чем? — хмурится Марек. — Думаешь, я бы его не узнал?

— Ну... ну, может, кто-то другой? Муляж? Дерьмо. Не знаю. Этот Браун гребаный фокусник. Может, он обманул вас.

— Это он. Стоун лежал прямо передо мной. Ближе, чем эта тарелка. — Марек кивает на стол перед собой.

— Ты уверен? Мелкие детали. Цвет глаз... шрамы?

— Это он! Я жил с ним в одной камере, если ты забыл! — Марек ударяет кулаком, как молотом, по металлическому столу. Само собой, три сотни заключенных оглядываются на него. Вытянув левую руку, он стучит пальцем правой по запястью. — Тату. Штрихкод. Если тебе недостаточно моих слов. Это он. И он мертв. Сердце не билось.

— А что этот сказал? — Оскар смотрит в сторону одинокого стола, за которым сидит Павел.

— Ты слышал, что он сказал. Все слышали.

— Я имею в виду... — Ос подается вперед, — там, на месте. Может, намекнул на что-то?

Марек, отвернувшись, берет ложку и начинает есть. Джейк смотрит на Оскара: тот едва заметно мотает головой. Следующим Джейк смотрит на Бена. Тот обводит глазами всю колонию. Молчит. Почему лидер молчит?

— Это все? — не выдерживает Джейк, но Бен не реагирует. Джейк повторяет вопрос, теперь уже обращаясь ко всем за столом: — Это все? Мы просто живем дальше? Прошла всего пара часов, а от нас уже ушли четыре человека. Сколько нас сейчас?

— Двадцать, — отвечает Марек.

— Бен? Бен!

— Я думаю...

— О чем ты сейчас можешь думать?

— Я пытаюсь понять, что происходит в их головах. — Бен кивает на всю колонию. — Несмотря на всю их поддержку на Подведении итогов, рано или поздно им придется подумать о себе. Я что-то вижу, но не знаю что. Здесь что-то происходит.

— За продавцами я ничего такого не замечал, — говорит Оскар. — У нас все тихо.

— У девушек тоже ничего, — добавляет Джавайа.

— Мы все тут понимаем, что это может измениться в любой момент. Как только дирижер взмахнет палочкой. Без нас клубам было удобнее: мы отобрали хлеб у каждого из них. Браун позволил нам существовать, потому что у них со Стоуном была договоренность. Нет Стоуна — нет договоренности, — размышляет вслух Бен. — И отвечая на твой вопрос, Джейк: нет, это не все. Стоун оставил после себя клуб. У нас есть цель и направление: развиваемся, защищаем интересы безбилетников, объединяем их вокруг нас. Пытаемся дружить со всеми, но не в ущерб интересам клуба. Еще раз — и в последний раз: смерть Стоуна ничего не меняет. Он очередная жертва Брауна, но, в отличие от других, оставил след, и если вы хотите как-то почтить его память, то постарайтесь, чтобы люди помнили, что он сделал. Чтобы безбилетники рассказывали новичкам о парне, который доказал, что из никого можно стать кем-то. — Бен испытующе смотрит на всех за столом. Никто никак не комментирует сказанное. — В остальном: надейся на лучшее, готовься к худшему — драки, слухи, угрозы, предательства. И... — он тяжело вздыхает, — если кто-то хочет уйти, то сейчас самое время. Хотелось бы сказать, что дальше будет легче. Но нет. У каждого своя жизнь, и пусть каждый решает сам.

Тут же два парня с конца стола, переглянувшись, встают. Один из них произносит:

— Простите, парни. Мы пытаемся выжить.

В ответ Бен, поджав губы, просто кивает. Они уходят.
— Восемнадцать... — комментирует Оскар.

Джейк тоже встает из-за стола. В любом случае в рот ничего не лезет. Наружу просятся ругань, плач. Хочется всплакнуть, собраться с силами и перевернуть страницу.

Он идет к выходу, ощущая на себе взгляды заключенных. Да. Эта тишина определенно не траур.

* * *

Наблюдая, как заключенные плетутся в камеры после ужина, Браун размышляет о том, как бы напомнить им, что он тут главный. Может, устроить внеплановый Черный день и казнить кого-нибудь на глазах у всех — пулей в лоб? Но так он уже делал. Или, может, вздернуть нарушителей на столбе позора? Делал. Провести воспитательную беседу, закрепив ее эффект обжигающим паром? И это было.

Более того, заключенные и так боятся его, как всегда. Увидев зеленый огонек, обозначающий его появление, они вздрагивают. Все работает как надо. Да, он тут главный. И все же есть что-то призрачное, что-то новое. Это витает в воздухе и не дает ему покоя. Что же это? Что это за туман? Что читается в их взглядах? Причем в обоих секторах. И в глазах Леона, и в глазах Кайи. Они все что-то прячут. Там, в душе, на маленькой полочке, в маленьком сундучке или, может, в потайном кармане. Очень далеко от глаз. В темноте. Что-то, что они недавно нашли.

Браун никогда не ошибался в людях. У него много мифов, и он это признает, но в своей способности видеть всех насквозь не сомневается. Теперь ситуация несколько усложнилась. Много нитей, много судеб спутались в сложный узел. Он чувствует его, но не может ухватить.

Вряд ли это Стоун. Вряд ли шахтеры. Да и второй сектор ничем не выделялся в последние недели. Никаких серьезных изменений.

— Что-то в этом всем не так, — произносит он, провожая взглядом триста двадцатого — щуплого светловолосого заключенного, Джейка.

— О чем вы, сэр? — спрашивает Риггс.

— Да так... размышляю. Не заметил ли ты или кто-то из охранников что-то необычное в колонии? Что-то новое.

— Я не... — Риггс сглатывает. — Я не совсем понимаю, о чем идет речь. Нам надо что-то выяснить?

— Да. Выясни, как вынуть свою голову из задницы, — спокойно отвечает Браун. — Что-то со всеми ними не так. Вызови эту штуку. Систему.

— Наблюдатель всегда здесь, сэр.

— Всегда меня слышит? К этому надо привыкнуть. Наблюдатель, уровень недовольства?

На экране появляется надпись: «13%».

— Все спокойно, сэр.

— Я вижу... — Браун задумчиво потирает подбородок. — Но они что-то прячут. Что же это... Вера в добро? Надежда на спасение? Думаю, надо им напомнить кое о чем. О том, что каждый из них дышит, потому что я так захотел. И что они не должны быть такими, — произносит он брезгливо, сам не совсем понимая, что подразумевает, — такими... смирившимися. Такими, будто колония стала для них рутиной. Будто страх передо мной стал нормой.

— Простите, сэр, это ведь хорошо? Про страх, — осторожно произносит Риггс. — Хорошо, что они испытывают его постоянно.

— Я тоже так думал и к этому стремился. Но в последнее время мне чего-то не хватает. Ну конечно... — Браун оживляется. — Да. Вот в чем дело. Они-то боятся, но вместе!

— Сэр?

— Раньше каждый из них боялся меня сам по себе. Да и все боялись всех. Там внизу все было пропитано одиночеством. Затем появились клубы, и они начали бояться меня группами и воевать между собой. Но сейчас есть я — и все они. Трусами поганца Стоуна. Это мы и должны исправить. Надо напомнить им, что они не семья, а стаи ненавидящих друг друга хищников.

— А как это сделать?

— Само собой, пожертвовав кем-то. Жертва нужна большая, чтобы измазались все, кто хотел и не хотел. — Браун пятится к выходу. — Передай нашим обезьянкам, чтобы с завтрашнего дня все начинали прессовать этих шахтеров. От них больше проблем, чем пользы. Быть может, так остальные вспомнят об истине. — Он останавливается в проходе. — Что в итоге тут каждый сам за себя.

* * *

С самого утра Джейк чувствует неладное. На завтраке заключенные окидывают два стола шахтеров недобрыми взглядами. В глазах Бена читается: «Мы знали, что так будет». После завтрака в группе идущих в шахту нет ни одного безбилетника. Все свободные места уходят клубам. Шахтеры знают, что нельзя разделяться, и отказываются от шахты. Слишком опасно. Нужно быть вместе и держаться друг за друга.

Во время боев парни получают восемь вызовов. Приходится отвечать на каждый. Все прекрасно понимают, что победы мало что значат, если в половине случаев победителей направляют в медблок. Другие клубы разбирают на кусочки их защиту.

В следующие дни Бен не принимает в клуб новых ребят. Все просто: никому нельзя доверять. Те, кто есть, хотя бы проверены в боях и на Терках, в дерьме и в радости.

— У вас ни шахты, ни спейсов, ни новеньких, — констатирует во время обеда Оскар.

— А оставшиеся постоянно отваливаются в боях и разборках, — добавляет Джавайа. — Бен, надо что-то делать. Такими темпами вы не продержитесь до конца месяца.

— Знаю, — отвечает Бенуа и, откинувшись на стуле, смотрит в потолок, где едва слышно шумит система вентиляции.

— Есть одна идея. Глупая, но лучше ее озвучить, — говорит Марек. — Что, если временно распустить клуб? Точнее, не распустить, а нажать на тормоза. Я не боюсь идти до конца, но есть вероятность, что так мы спасем жизни других.

— Если распустим всех, то не соберемся вновь, — отвечает Бен. — Кроме того, есть риск, что за это время нас всех отловят поодиночке. Я не уверен, что так мы спасем жизни... — Все опускают головы, возвращаясь к размышлениям. — Но, возможно, с моей стороны будет правильно провести голосование.

Все удивленно смотрят на него. Распустить клуб? Еще неделю назад никто и вообразить не мог такого.

— Но так мы предаем Стоуна! — вспыхивает Джейк.

— Да. И об этом я напому каждому из вас, когда мы будем голосовать. Даже если все вы уйдете, я продолжу называть себя шахтером. И помогать безбилетникам. Даже если буду выглядеть посмешищем. Голосование через неделю. Как только четверо вернутся из медблока.

— За это время туда могут попасть еще пятеро, — бубнит кто-то из шахтеров.

— И что ты предлагаешь? Отказаться от вызовов? Вы знаете, что это будет конец. Как только мы перестанем отвечать ударом на удар, они поймут, что кушать подано. — Оглядев всех, Бен завершает разговор: — Неделя, парни. Держитесь и хорошенько подумайте над тем, за что будете голосовать.

Браун, сидя за главной панелью, смотрит на экран с последними данными. Руководство колонии не перестает его удивлять, каждый год умудряясь впаривать все новые и новые обновления. Вначале его это раздражало: в первые месяцы «Мункейдж» походил на настоящую, земную колонию и всякого рода изменения — Ящер, дроны, системы анализа, сценарии, которые он должен был навязывать заключенным, — ломали привычный мир. Но в какой-то момент, сам того не заметив, Браун поймал кайф. От возможности тестировать что-то новое на своих обезьянках. Глядишь, кого-то и получится перевоспитать. Или убить. Первое пока не удавалось, но второе — вполне. Темпы хорошие, баланс найден. Если где-то отстаем, можно подергать за ниточки; если план перевыполнен, тоже не беда — за каждой тягостью наступает облегчение. Пусть подышат, расслабятся и зайдут на еще один круг боли.

Инновации — это хорошо. Стоило только изменить точку зрения, и проблема стала решением. Нет, даже больше. Проблема стала развлечением.

— Обновить уровень недовольства, — говорит он. Четырнадцать процентов остаются четырнадцатью. Он задумчиво подается вперед. — Что это за число такое... магическое... Тринадцать.

— Сэр? — Рядом появляется Риггс.

— Тринадцать. — Браун кивает на дисплей. — Почему? Почему это норма? Почему не выше, почему не ниже? Что это такое — заложенное в человека? Что за константа гнева? Не знаешь?

— А-а-а... Нет, сэр.

— Может, и в тебе оно заложено? Тринадцать процентов недовольства?

— Надеюсь, нет, сэр.

— Я тоже. Я тоже... — Браун продолжает смотреть на дисплей, так и не получив ответа. Его охватывает чувство, будто зудит спина и, как бы ты ее ни чесал, не можешь попасть в нужную точку. — А как система это определяет?

— Я думаю, сэр, можно у нее спросить.

— Хм... Эй, Наблюдатель. Что за глупое название... Как ты определяешь уровень недовольства?

— Я использую встроенный...

— Заткнись, — перебивает Браун. — Давай текстом. Еще один голос в смотровой я не выдержу. — Он пробегает глазами по экрану. — Аха... Она использует встроенный в дроны анализатор поведения: мимики, жестов, голосов, взглядов, даже походки. В среднем по больнице, само собой.

— Мудрено, сэр, — комментирует Риггс и нажимает на кнопку.

На площадке первого сектора проступает цветовая разметка клубов. Стартуют Терки.

— Похожая система давно используется по всему миру для предотвращения беспорядков. Наблюдатель, уровень недовольства? — На экране все еще «13%». — Интересно, будь их жизнь тут идеальной, оставался бы процент таким же? Может, это вложенная Богом или эволюцией идея о том, что человек не способен быть довольным, какое бы счастье ни испытывал?

На глаза Брауну попадают идущие с обеда заключенные. Некоторые сразу занимают места на Терках, другие сначала плетутся в камеры. Вот и триста второй. Бенуа Мусамба. Со дня появления тут этот подонок не выказывал должного уважения к системе. Полный мышц и самомнения темнокожий ублюдок.

— А как бойня повлияла бы на процент?.. — спрашивает Браун.

— Сэр?

— Ну, чисто гипотетически.

— Не знаю, сэр... — с легкой тревогой отвечает Риггс. — Скорее всего, это разозлит заключенных. Они будут думать о неизбежности смерти. Если не найдут способ спастись... — Сержант инстинктивно бросает взгляд в верхний угол, где еще пару месяцев назад была камера наблюдения. Начальник умудрился от нее избавиться.

— Или... — вкрадчиво говорит Браун, — это снизило бы гребаную константу гнева. Напугало бы этих ублюдков еще сильнее.

— Не... могу знать... сэр, — сбивчиво отвечает помощник.

— Я тоже... я тоже... — Вдруг, округлив глаза, Браун вскакивает с кресла. — Сейчас!

— А? — вздрагивает Риггс.

— Сейчас, мать твою! Сейчас! Мы проверим это.

— Но как? На ком?

— На шахтерах, идиот! Передай охране. Кто там внизу сейчас?

— Марвин, Кертис и Редондо, сэр.

— Пусть передадут клубам: это была недолгая, но приятная вечеринка. Пришло время кончать с шахтерами.

— Сэр...

«Будь проклят этот придурок...» — думает Браун, закатывая глаза, и спрашивает:

— Да, мистер Риггс?

— В этом месяце мы уже превысили лимит, не говоря о Черном дне. В этой бойне умрет немало заключенных. Такого не было со времен войны между гладиаторами и продавцами. Я не думаю, что у нас получится объяснить руководству...

— Оставь! Это! Мне! — взрывается Браун и ударяет по дисплею кулаком. Сенсорная панель дает трещину и бьет током. — Твою мать! — Он хватается за руку. — Сукины

дети... Да и я болван. Ищу способ заставить их бояться меня по-новому. Зачем? — Он усмехается, оглядывая пустую смотровую. — Зачем изобретать велосипед? Пусть псы делают то, что умеют лучше всего. — Он жестом рисует крест на триста втором. — И как всегда — во имя процветания колонии.

* * *

Стоя в центре серой зоны, Бенуа размышляет о том, что сейчас произошло в столовой. Неужели он допустил, что шахтеров больше не будет? Всего через неделю после смерти Стоуна. Как же так? Как быстро поменялась ситуация: ни Терок, ни шахты. Только бои и нападения. Скоро уйдут еще двое. Они молчат, но по их глазам все понятно. Останется шестнадцать человек. Четверо из которых в медблоке. Надо что-то делать. Надо что-то придумать.

— Бен... что-то не так, — говорит кто-то за спиной. Бенуа оборачивается и видит Оскара, якобы завязывающего рядом с ним шнурки. — Продавцы подозрительно молчат...

Оскар теряется среди «серых», всплывает у забора и что-то шепчет Джаяу. Тот осторожно оглядывается на Бенуа. Рене непонимающе разводит руками. Теперь Джай ныряет в толпу. Еще недавно заполнявший пространство перед глазами Бенуа муравейник из безбилетников исчез. Заключенные стоят. Поглядывают на него.

— Бен... — говорит Джавайя, подойдя к нему. — Началось.

— О чем ты... — Бенуа опускает глаза и видит, что Джай держится за окровавленный бок, из которого торчит заточка. — Дерьмо... Шахтеры! — орет он на всю колонию, и парни собираются в кучку.

Десять обладателей черных браслетов, включая самого Бенуа. Кто-то задержался в камерах. Один бедолага застревает в толпе, и, судя по крикам, он уже не жилец. Еще — раненый Джавайа и выбравшийся из толпы Оскар. Те, у кого есть оружие, больше не прячут его.

Вокруг шахтеров образуется до боли знакомое кольцо, в день поединка Стоуна с Ханцем прозванное Кольцом смерти.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

